

Scientific center «LJournal»

Collection of Scientific Papers
based on the results of an XVIII international scientific conference

General question of world science

October 15, 2022
Florence, Italy

Florence, 2022

Collection of Scientific Papers based on the results of an XVIII international scientific conference « General question of world science»
October 15, 2022, Florence, Italy, - 36 pages.

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022

The collection of scientific papers General question of world science is formed based on the results of the scientific and practical conference of the same name, which has traditionally been held by the organizers since 2017 and is a very important scientific event for dozens of scientists from different countries and cities.

Covering a wide geography of its holding, the General question of world science conference allows scientists from Russia and all over the world to present their scientific research at a high international level.

The information published in the collection is presented in the original version. Spelling and punctuation preserved. Responsibility for the information presented to the public lies with the authors of the materials.

Metadata and full texts of journal articles are transferred to the ELIBRARY scientometric system.

Electronic layouts of the edition are available free of charge on the website of the Scientific Center "LJournal" - <https://ljournal.org>

CONTENTS

SECTION I. CONSTRUCTION	4
Соколов Н.С. Буронъекционная свая-ЭРТ как заглубленная железобетонная конструкция повышенной несущей способности	4
Соколов Н.С. Грунтовый анкер ЭРТ как заглубленная железобетонная конструкция.....	8
SECTION II. MEDICAL SCIENCES	17
Moskalec O.V. The frequency of detection of "opportunistic" infections in children hospitalized in a multidisciplinary hospital.....	17
SECTION III. PHILOLOGY	19
Адзиева Э.С. Когнитивно-прагматические свойства научного дискурса и его конститутивные признаки	19
SECTION IV. PHILOSOPHY	23
Kovaleva M.V. The Theme of Cultural Crisis by Representatives of Russian Religious Thought of the Late 19th – Early 20th Centuries (on the Example of the Works of S.N. Bulgakov and N.A. Berdyayev).....	23
SECTION V. LEGAL SCIENCES	28
Злобина Е.А. Роль Президента РФ в обеспечении эффективности органов государственной власти	28
SECTION VI. LINGUISTICS AND LITERARY CRITICISM	33
Ladonina N.A., Ereemeev I.D., Fioktistova V.V. Communicative strategy as an actualization tool of the communicative and pragmatic discourse potential	33

SECTION I. CONSTRUCTION

Соколов Н.С.^{1,2}**Буроинъекционная свая-ЭРТ как заглубленная железобетонная конструкция повышенной несущей способности**¹ООО НПФ «ФОРСТ»²ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

(Россия, Чебоксары)

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022-01

Аннотация

Буроинъекционная свая, изготовленная по разрядно-импульсной технологии (свая ЭРТ), обладает рядом конкурентных преимуществ по сравнению с буроинъекционными сваями, изготавливаемыми по традиционным технологиям. Это:

1) Повышенные значения прочности мелкозернистого бетона, превышающие на 40–60 % от традиционно изготовленных; 2) Повышенные значения несущей способности по грунту в 1,5÷3,0 раза; 3) Повышенные значения несущей способности по прочности поперечного сечения в 1,5 раза и более; 4) Рост значений несущей способности, как по грунту, так и по телу во времени по сравнению с проектными значениями. Кроме того, электрогидравлическая обработка мелкозернистого бетона повышает его водонепроницаемость.

Ключевые слова: буроинъекционные сваи ЭРТ, прочность поперечного сечения, несущая способность, рабочая арматура, многоместные уширения.

Abstract

A bored injection pile manufactured using discharge-pulse technology (EDT pile) has a number of competitive advantages compared to bored injection piles manufactured using traditional technologies. It:

1) Increased strength values of fine-grained concrete, exceeding by 40–60% of those traditionally made; 2) Increased values of the bearing capacity on the ground by 1.5÷3.0 times; 3) Increased values of the bearing capacity for the strength of the cross section by 1.5 times or more; 4) An increase in the values of the bearing capacity, both for the soil and for the body over time, compared with the design values. In addition, electro-hydraulic treatment of fine-grained concrete increases its water resistance.

Keywords: bored injection piles EDT, cross-sectional strength, load-bearing capacity, working reinforcement, multiple widenings.

1 Введение

Современные геотехнические технологии [1÷9] позволяют изготавливать буроинъекционные сваи с повышенными значениями несущей способности. Разрядно-импульсная технология устройства свай (сваи ЭРТ) является наиболее приспособленной для достижения этих целей.

Наиболее интересным представляется устройство свай ЭРТ с многоместными уширениями. Благодаря устройству уширений вдоль ствола сваи и под ее пятой создается возможность устройства заглубленной железобетонной конструкции с возможностью регулирования несущей способности, как по грунту, так и по телу.

Технология устройства свай с многоместными уширениями известна с 60-х годов прошлого века. Опыт использования таких свай есть в Индии ФРГ, Великобритании, Японии, СССР, России. Конструкция такой сваи представляет собой буровую сваю с уширением на пяте. Кроме того, в зависимости от типа инженерно-геологических условий и

требуемой несущей способности сваи выше пяты вдоль ствола устраиваются дополнительные уширения.

Свая с местными уширениями работает как железобетонная заглубленная конструкция имеющая количество опор, соответствующих числу уширений. На начальном этапе нагружения в работу вступает верхнее уширение. По мере увеличения нагрузки постепенно включаются нижележащие уширения, при этом каждое уширение выполняет функцию дополнительной опоры.

2. Методы исследования / Research methods

Практика изготовления таких свай показала их высокую эффективность. Несущая способность свай по грунту с одним уширением в 2,0 – 2,5 раза, а с двумя - в 3,0 – 3,5 раза выше, чем у свай, выполненных без уширений [10÷13].

Достоинствами буринъекционных свай ЭРТ с местными уширениями являются: 1) простота выполнения (добавляется одна легковыполняемая операция); 2) возможность точного определения места устройства уширения (определяются по уходу мелкозернистой бетонной смеси); 3) возможность устройства необходимого количества уширений по расчету несущей способности вдоль длины сваи; 4) минимизация технологических осадок; 5) максимальная по сравнению с любыми другими технологиями устройства буровых свай усиления несущая способность сваи, как по грунту, так и по материалу.

Расчет несущей способности свай ЭРТ с местными уширениями пятью аналогичен расчету буровых свай по формуле 7.11 «СП 24.13330.2011. Актуализированная редакция СНиП 2.02.03-85. Свайные фундаменты», при этом диаметр уширения определяется согласно таб.2.3 «ТР 50-180-06. Технические рекомендации по проектированию и устройству свайных фундаментов, выполняемых с использованием разрядно-импульсной технологии для зданий повышенной этажности Москва 2006», а величина минимально допустимого интервала между уширениями составляет 3,5 диаметра уширения. Для слоистого напластования оснований устройство уширений наиболее предпочтительно на контактных поверхностях инженерно-геологических элементов.

3. Результаты и предложения / Results and Discussion

При конструировании вновь сооружаемых фундаментов из свай ЭРТ следует руководствоваться правилами и требованиями, предъявляемыми к конструированию фундаментов из буровых и набивных свай и изложенными в СНиП 2.02.03-85 «Свайные фундаменты» и СП 50-102-2003 «Проектирование и устройство свайных фундаментов», а также актуализированной редакции СП 24.13330.2011. «Актуализированная редакция СНиП 2.02.03-85. Свайные фундаменты».

Армирование микросвай производится из расчета несущей способности поперечного сечения сваи. В качестве расчетной арматуры используются одиночные стержни, сварные каркасы, жесткая арматура в виде проката из черных металлов или стальные трубы.

Арматура сваи может быть как однородной на всю длину, так и комбинированной (например, труба или прокат в зоне действия изгибающего момента и каркас на всю остальную длину).

Она должна иметь фиксирующие элементы, центрирующие ее в скважине и обеспечивающие требуемую толщину защитного слоя бетона. Фиксирующие элементы могут выполняться из металла или пластика и крепиться с трех или четырех сторон арматурного стержня или каркаса на расстоянии 8,0-10,0 диаметров скважины друг от друга.

В качестве продольной арматуры свай ЭРТ используется горячекатаная арматурная сталь класса АIII и AIV диаметром от 12,0 мм до 40,0 мм включительно. Продольная

арматура располагается равномерно по контуру сваи с расстоянием в свету между отдельными стержнями не менее диаметра стержнями и не менее 50,0 мм. Общая площадь сечения продольной арматуры должна составлять не менее 0,5 % и не более 10 % от площади сечения бетона, в том числе в зоне стыкования секций.

В грунтовых условиях, исключающих потерю продольной устойчивости ствола сваи, рекомендуется выполнять центральное армирование. Оно выполняется из отдельного стержня, пучка стержней, трубы, прокатного или сварного профиля, или их сочетаний, например, трубой, усиленной по периметру арматурными стержнями или проволокой.

Поперечная арматура арматурных каркасов свай ЭРТ изготавливается в виде спиралей или круглых вязаных, или сварных хомутов из арматуры класса В-500 диаметром не менее 5,0 мм или класса А-240 диаметром 6,0-10,0 мм с шагом не более 10 диаметров стержней продольной арматуры и не более 150,0 мм.

При установке поперечной арматуры, требуемой по расчету на действие поперечных сил, шаг хомутов принимается не более 1/2 диаметра сваи.

Зона стыкования секций армокаркасов дополнительно усиливается спиральной арматурой с шагом не более 100,0 мм. Диаметр поперечной арматуры в вязаных каркасах принимается не менее 1/4 диаметра стержней продольной арматуры, а в сварных каркасах устанавливается из условия сварки сваи [6].

Арматурные каркасы изготавливают, как правило, в заводских условиях на приводных станках контактной сваркой.

Допускается использование электродуговой сварки для случая использования поперечной арматуры класса А-240 диаметром более 10,0 мм.

Соединение арматурных каркасов по длине сваи осуществляется стыковкой отдельных секций с помощью вязальной проволоки или с помощью сварных стыков. Сварные стыки должны обеспечивать равнопрочность арматуры и удобство производства работ по инъецированию бетонной смеси. Сварное соединение арматурных каркасов рекомендуется выполнять с помощью стыковочного трубчатого элемента, к которому дуговыми фланговыми швами привариваются стыкуемые арматурные стержни (нахлесточное сварное соединение).

Сжатые одиночные стержни и каркасы рекомендуется соединять запрессовкой несварным стыком, обеспечивающим расчетное сопротивление на сжатие. Допускаются неравнопрочные стыки, например, шарнирные.

Толщина защитного слоя арматурного каркаса микросвай должна быть не менее 80 мм. Допускается уменьшение толщины защитного слоя до 20,0 мм в случае применения специальных мероприятий (защитные антикоррозийные покрытия арматуры, защита арматурного каркаса рукавом из полимерной ткани или специальной гофрированной полимерной трубкой и т.д.)

На рис. 1 приведен пример армирования буроинъекционной сваи ЭРТ СР-15-30 длиной 15,0 м и диаметром 30,0 см с двумя уширениями вдоль ствола и уширением по пяте. Диаметры уширений составляют: верхнее – 415,0 мм; нижнее – 395,0 мм, а по пяте – 410,0 мм. Продольное армирование запроектировано из пространственных каркасов КП-1 и КП-2. Соединение каркасов, состоящих из 6 стержней $\varnothing 18$ А 500 производится вязальной проволокой с нахлестом не менее 40 диаметров – 800,0 мм (узел 1 на рис. 1). Возможен вариант сварного соединения. При этом размер нахлеста составляет не менее 20 диаметров – 400,0 мм. Для создания защитного слоя бетона использована стальная полоса (фиксатор каркаса - узел 3 на рис.1) шириной $b = 20$ мм и толщиной $t = 4.0$ мм.

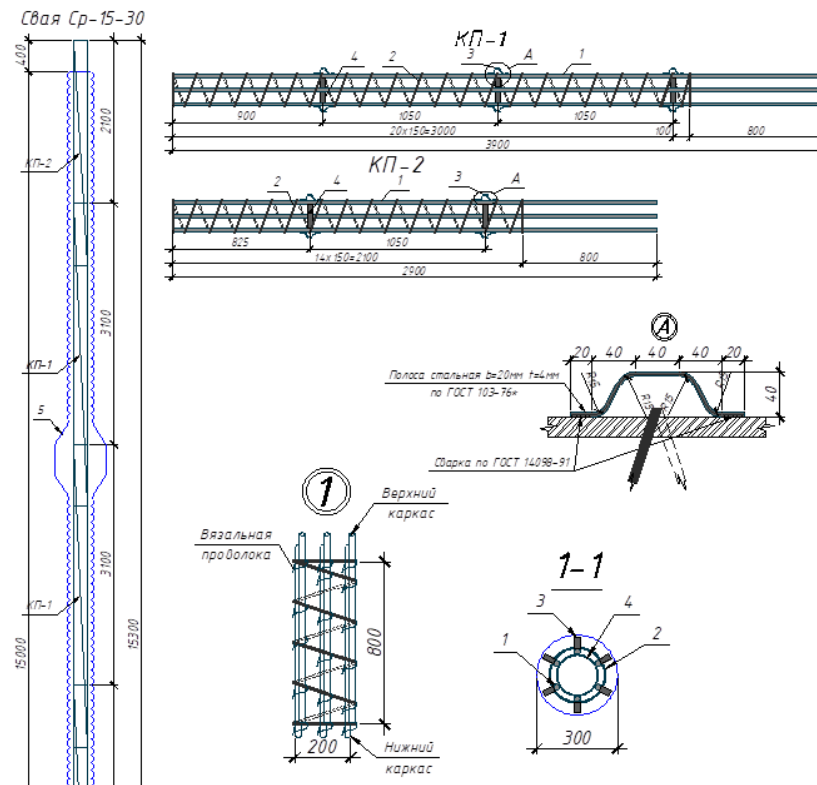

Рисунок 1. Пример схемы армирования буронабивной сваи ЭРТ СР-15-30 (15,0 – длина сваи в м., 30,0 – диаметр в см.): 1 - продольная арматура класса А500с; 2 – поперечная арматура класса А240; 3 – фиксатор каркаса сваи (из стальной пластины $b=20,0$ мм, $t=4,0$ мм); 4 – труба $d159$ мм обеспечивает жесткость каркаса при транспортировке и складировании; 5 – уширения вдоль ствола и пяты сваи.

- Ильичев В.А., Мангушев Р.А., Никифорова Н.С. Опыт освоения подземного пространства российских мегаполисов // Основания, фундаменты и механика грунтов. 2012. № 2. С. 17-20.
- Улицкий В.М., Шашкин А.Г., Шашкин К.Г. Геотехническое сопровождение развития городов. СПб.: Геореконструкция, 2010. 551 с.
- Deckner F., Viking K. & Hintze, S. Wave Patterns in the ground: case studies related to vibratory sheet pile driving // Geotechnical and Geological Engineering. 2017. Vol. 35 Iss. 6, pp. 2863-2878. DOI: 10.1016/j. soildyn.2017.01.039
- Korff M., Meijers P., Wiersma A., Kloosterman F. Mapping liquefaction based on CPT data for induced seismicity in Groningen // Earthquake Geotechnical Engineering for Protection and Development of Environment and Constructions-Proceedings of the 7th International Conference on Earthquake Geotechnical Engineering. Rome. 2019, pp. 3418-3425.
- Deckner F., Viking K., Guillemet C., Hintze S. Instrumentation system for ground vibration analysis during sheet pile driving // Geotechnical Testing Journal. 2015. Vol. 38. Iss. 6, pp. 893-905. DOI: 10.1520/GTJ20140275
- Brinkerve R.B.J. Plaxis: Finite Element Code for Soil and Rock Analyses. Balkema, 2006, pp. 53-56.
- Denies N., Holeyman A. Shear strength degradation of vibrated dry sand // Soil Dynamics and Earthquake Engineering. 2017. Vol. 95. pp. 106-117. DOI: 10.1007/s10706-017-0285-x
- Karol Reuben H. Chemical grouting and soil stabilization // American Society of Civil Engineers, 2003. 536 p.
- Moseley M.P. Ground improvement. London. 2004. 440 p.
- Соколов Н.С., Джантимиров Х.А., Кузьмин М.В., Соколов С.Н., Соколов А.Н. Патент на изобретение. Полезная модель. Устройство для камуфлетного уширения набивной конструкции в грунте. // Бюллетень федеральной службы по интеллектуальной собственности. 2016.
- Соколов Н.С., Рябинов В.М. Особенности устройства и расчета буронабивных свай с множественными уширениями // Геотехника. №3. 2016. Стр. 60÷66.
- Соколов Н.С., Рябинов В.М. Технология устройства буронабивных свай повышенной несущей способности // Жилищное строительство. № 9. 2016. Стр. 11-14.
- Соколов Н.С., Джантимиров Х.А. Расчет и проектирование буронабивных свай-ЭРТ (ФОРСТ, ЭРСТ) // Учеб. пособие. - 2016. г. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета.

Соколов Н.С.^{1,2}

Грунтовый анкер ЭРТ как заглубленная железобетонная конструкция

¹ООО НПФ «ФОРСТ»

²ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

(Россия, Чебоксары)

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022-02

Аннотация

Строительное освоение территорий, имеющих сложные инженерно-геологические условия с наличием неустойчивого пересеченного рельефа представляет собой сложную геотехническую задачу. Вопросы, связанные с обеспечением безопасного производства монтажных работ для строительства любого объекта на подобных территориях, относятся к многофакторной проблеме связанной, прежде всего с разработкой специальных геотехнических технологий, привязанных к реальным инженерно-геологическим условиям рельефа, нагрузкам от существующих зданий и сооружений, и во-вторых реального воплощения их на конкретной строительной площадке.

Ключевые слова: грунтовый анкер ЭРТ; цементирующий раствор; электроразрядная технология (ЭРТ технология); горизонтальные перемещения, генератор импульсных токов (ГИТ).

Abstract

The construction development of territories with complex engineering and geological conditions with the presence of an unstable rugged terrain is a complex geotechnical task. Issues related to ensuring the safe production of installation work for the construction of any object in such areas are related to a multifactorial problem associated, first of all, with the development of special geotechnical technologies, tied to real engineering and geological conditions of the relief, loads from existing buildings and structures, and secondly, real their implementation at a specific construction site.

Keywords: ground anchor EDT; cement mortar; electric discharge technology (EDT technology); horizontal displacements, impulse current generator (GIC).

1. Введение

Современное геотехническое строительство в своем арсенале обладает методами и технологиями решения этих сложных проблем. Использование передовых компьютерных программ, таких как GeoWall, GeoStab, Plaxis и др. позволяет разработать геотехнические объекты любой сложности. Для выявления наиболее приемлемой геотехнической технологии должно быть обязательно использование метода интерактивного проектирования. Это «разработанный проект – опытная площадка – реальный проект». При этом этот вид проектирования должен быть многовариантным с использованием различных геотехнических технологий и геотехнических конструкций. Немаловажное значение имеет технико-экономическое обоснование всех элементов в интерактивном проектировании. Любой элемент в проектировании должен быть экономически обоснованным и технически целесообразным. Рассмотренный случай из геотехнической практики строительства объекта подтверждает тот факт, что благодаря наличию современных средств проектирования и производства работ возможно решить любые сложные задачи.

2. Методы исследования. Общие данные / Research methods. General information

Рассматривается один из случаев из геотехнической практики строительства объектов на оползневом склоне. В административном отношении участок изысканий расположен в центральной части города Чебоксары, по ул. Гагарина, д.35А. В геоморфологическом отношении - это пологий денудационно-аккумулятивный склон долины реки Кайбулка, осложненный погребенными балками и сильноветвящейся овражно-балочной системой 2-

го и более высоких порядков с постоянными водотоками. Абсолютные отметки поверхности земли в пределах участка изменяются от 129,1 до 137,5м (по устьям инженерно-геологических выработок). Рельеф спланированный.

Геолого-литологическое строение участка характеризуется колонками скважин №1-4, 9-11,15, 17 (см. рис. 1).

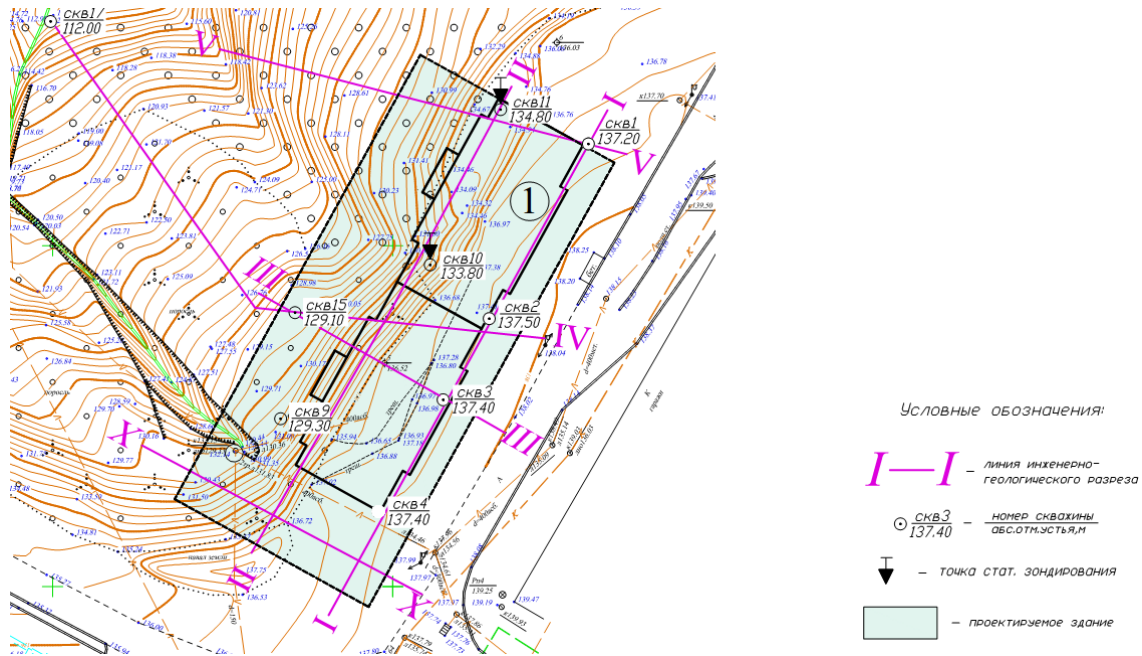

Рисунок 1. Выкопировка из генплана строительства объекта.

Геолого-литологическое строение участка на основании данных отчета об инженерно-геологических изысканиях до исследованной глубины выделено 7 инженерно-геологических элементов (ИГЭ) (см. рис. 2).

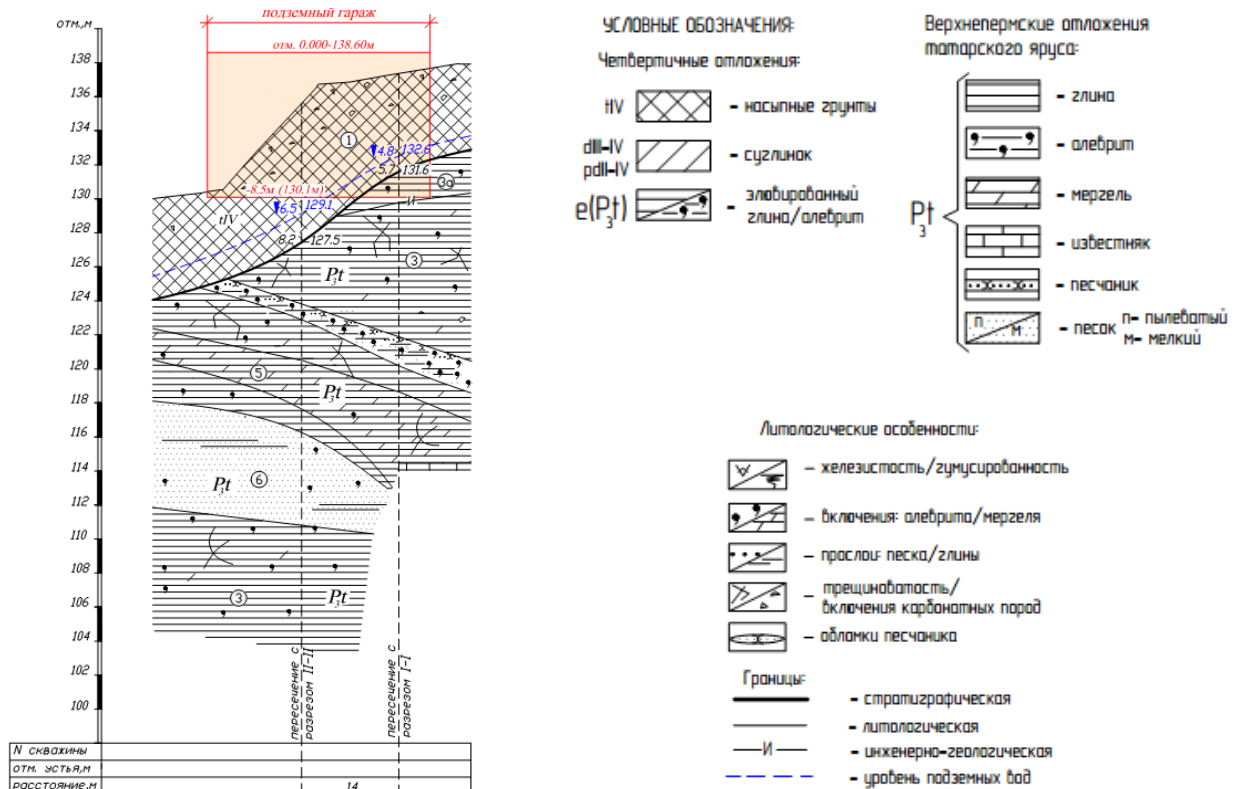

Рисунок 2. Инженерно-геологический разрез участка строительства.

Гидрогеологические условия участка до глубины 23.0 м на момент проведения изысканий характеризуются наличием нескольких водоносных горизонтов (ВГ) подземных вод. Первый ВГ - безнапорный, приурочен к техногенным образованиям, вскрыт всеми скважинами. Абсолютные отметки УПВ -128.5м (скв. №9), 135.7м (скв. №1). Питание ВГ происходит за счет утечек из водонесущих коммуникаций. Водовмещающими грунтами являются техногенные образования и суглинки (ИГЭ №1,2). Локальным водопором служат верхнепермские глины (ИГЭ №3); Второй водоносный горизонт приурочен к коренным верхнепермским образованиям.

Таблица 1

Нормативные физико-механические характеристики грунтов.

ИГЭ	Тип грунта	h, м	γ_b кН/м ³	c_b кПа	ϕ_b град	k_s кН/м ³	λ	E, МПа	ν
1	Суглинок мягкопластичный	8.6	19.6	16.0	11.0	2000	0.60	13.0	0.36
2	Суглинок тугопластичный	4.0	19.6	11.0	12.0	4000	0.57	15.0	0.36
3	Глина тугопластичная	2.2	19.9	29.0	20.0	4000	0.40	18.0	0.25
4	Глина твердая	1.3	20.1	25.0	23.0	6000	0.52	22.0	0.34
3	Глина тугопластичная	2.5	19.9	29.0	20.0	4000	0.40	18.0	0.25
5	Глина полутвердая	20.0	21.3	26.0	24.0	6000	0.34	27.0	0.25

3. Методы исследования / Research methods

Конструктивные решения заглубленных конструкций (см. рис. 3) представляют собой:

1. Специальное вспомогательное удерживающее сооружение представляет собой подпорную стенку, состоящую из конструкций ограждения и анкерных конструкций.
2. Конструкции ограждения котлована на рассматриваемом участке представляют буроинъекционные сваи ϕ 350 изготавливаемых по электроразрядной технологии (сваи ЭРТ [15÷19]) закрепленные от горизонтального смещения грунтовыми анкерами длиной 18,0 м и 17,0 м по ЭРТ технологии, выполненных под углом 30°. Шаг грунтовых анкеров, а также расстояние от дна котлована до соответствующего яруса анкеров приняты согласно указанным в проекте планам.
3. Грунтовые анкера (анкера ЭРТ) устраиваются после первого этапа разработки котлована, согласно указанным в проекте инженерно-геологическим разрезам и представляют собой преднапряженные элементы с железобетонным корнем, получаемым путем электроразрядной обработки грунта его стенок (рис. 3, 4).

Расчеты по прочности элементов подпорных стен выполнены в программном комплексе GeoWaLL, основанного на методе Блюма-Ламейера (способ "упругой линии"). Возведения и эксплуатация конструкций грунтовых анкеров произведены по следующему алгоритму (рис. 3).

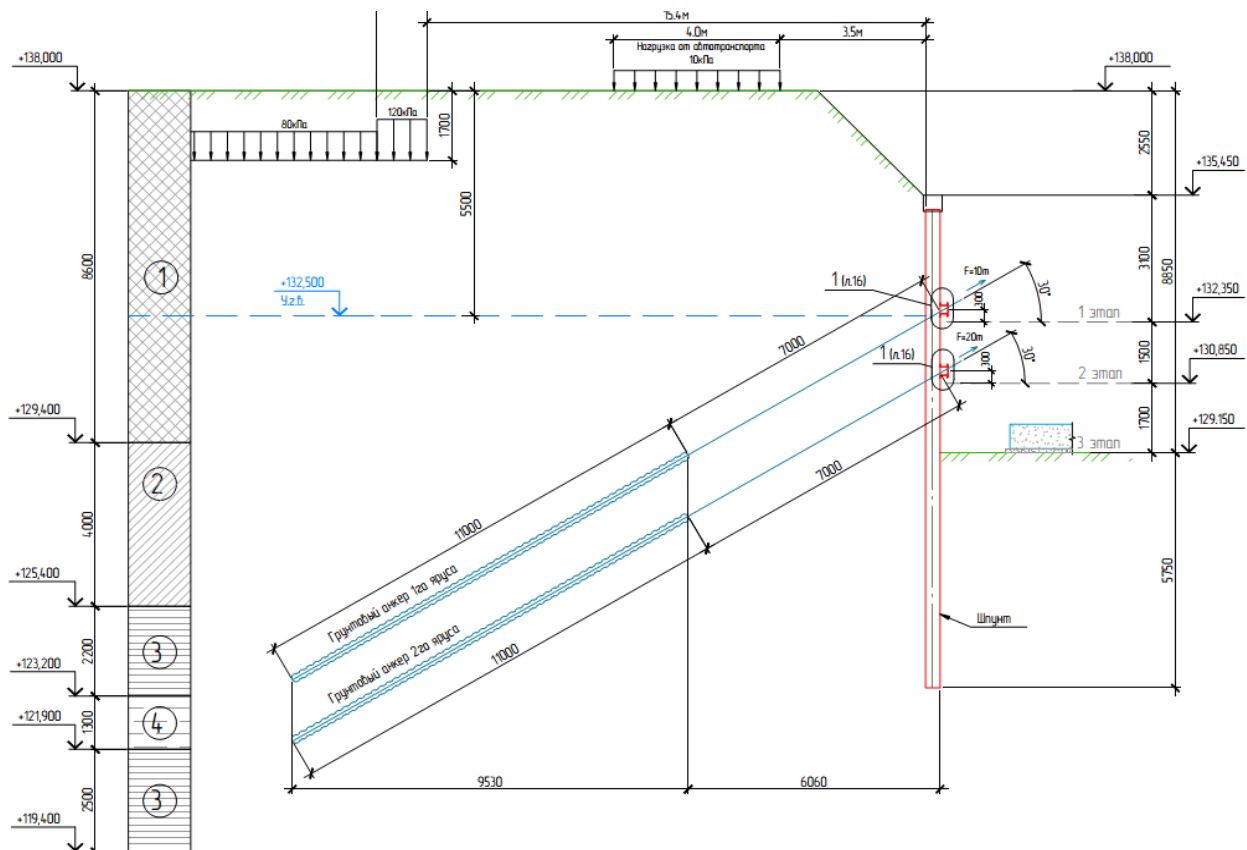

Рисунок 3 Устройство ограждения котлована с применением грунтовых анкеров.

4. Результаты и предложения / Results and Discussion

В ходе устройства подпорной стенки разработана этапность разработки грунта:

1. Первый этап разработки грунта предусматривает разработку грунта до отметок, указанных на соответствующих разрезах; после установки шпунтового ограждения в проектное положение;
2. Грунтовые анкеры первого яруса выполняются после первого этапа разработки грунта на отметке +132.350м;
3. Второй этап разработки предусматривает выемку грунта до абсолютной отметки (+130.850м);
4. Третий этап разработки предусматривает выемку грунта до проектной отметки дна котлована +129.150м;
5. К разработке грунта следует приступить только при соответствии прочности возведенной конструкции требованиям проекта;
6. Во время устройства шпунтового ограждения до засыпки пазух фундаментов производится геотехнический мониторинг деформаций окружающей застройки;
7. В процессе эксплуатации грунтовых анкеров не допускаются динамические, вибрационные воздействия на них до засыпки пазух котлована;
8. Не допускаются превышения равномерно распределенных нагрузок на бровке более указанного в проекте.

Устройство буронабивных свай ЭРТ представляет следующую последовательность:

1. Формирование скважины бурением:
 - 1.1. Бурение шнековое, выполняется в соответствии с проектом производства работ. Установкой для бурения УБГ-СГ "БЕРКУТ" или аналога.
 - 1.2. Бурение скважин выполняется с рабочих отметок, указанных в проекте.

- 1.3. Для разворота буровых машин и возможности установки анкерных каркасов ширина грунтовой бермы должна составлять не менее 18,0 м.
- 1.4. В процессе бурения контролируются параметры грунта по глубине: установить характеристики грунта основания по остаткам грунта на элементах бурового инструмента, зафиксировать этот факт соответствующей записью в журнале свайных работ. Устанавливаются соответствие грунта, обнаруженного в забое скважины проектным значениям на уровне корня анкера.
- 1.5. Подъем бурового инструмента проводится только после установления того, что в забое скважины не создается пониженное давление относительно природного давления грунта.
2. Цементация скважины грунтового анкера:
 - 2.1. Заполнение скважины производится до устья через бетонолитную колонну диаметром не менее 40,0мм, опускаемую до забоя методом ВПТ (верх поднимающиеся трубы). После достижения забоя, скважина должна быть промыта цементным раствором. Промывка цементным раствором продолжается до прекращения всплывания частиц грунта.
 - 2.2. Приготовление цементного раствора производится на строительной площадке непосредственно перед его нагнетанием в скважину. Для приготовления и подачи раствора применяется пневморастворонагнетатель ПРН-500 (ПРН-300).
 - 2.3. Контролируется объем закачиваемого в скважину цементного раствора, сопоставляя его с проектным значением, и объемом выбуренного грунта, причем объем закачанного в скважину раствора должен превышать объем выбуренного грунта.
3. Программа электроразрядной обработки скважины, заполненной цементным раствором:
 - 3.1. Необходимая мощность накапливаемой энергии не менее 50 кДж.
 - 3.2. Длина коаксиального кабеля от ГИТ до электродной системы составляет не более 80м, включая длину анкера (высоковольтный кабель ТИП-2 - 50м, кабель высоковольтный импульсивный малоиндуктивный (КВИМ) - 30м).
 - 3.3. Обработка высоковольтными электрическими разрядами производится по длине корня грунтового анкера сериями не менее 15 разрядов на каждом уровне. Шаг уровней составляет от 1.0 м.
 - 3.4. Расчетное увеличение бурового диаметра (150,0 мм) корня анкера необходимо довести до 200,0 мм, для этого контролируется уровень цементного раствора в скважине до начала обработки одного уровня и после завершения обработки. За «отказ» принимается понижение уровня раствора в скважине за последние 5 разрядов не более 10,0 мм. Для установления факта «отказа» осуществляется контроль изменения уровня раствора в скважине после каждого разряда или серии из 5-ти разрядов.
 - 3.5. Осуществляется контроль за достижением общего объема поданного в скважину раствора, включая доливку уровня, превышающего объем пройденной скважины (объем грунта, извлеченного из данной скважины).
 - 3.6. По результатам контроля падения уровня цементного раствора в опытной скважине или объема добавляемого раствора и сейсмических возмущений в зоне формирования геотехнического элемента корректируется программа обработки корня анкеров электрическими разрядами.
4. Монтаж анкерного каркаса:
 - 4.1. Анкерный каркас опускается плавно, без рывков.

- 4.2. Контролируется положение арматурного каркаса после установки его в проектное положение. Каркас закрепляется от случайного погружения и смещения в плане.
- 4.3. Каркас перед установкой очищается от случайно налипшего на него грунта.
5. Порядок натяжения грунтовых анкеров включает следующую последовательность:
 - 5.1 До начала работ устанавливаются все элементы анкерного крепления на планируемой для натяжения захватке.
 - 5.2. Косые шайбы привариваются электродуговой сваркой непосредственно на строительной площадке к опорным пластинам (плитам) стального распределительного пояса.
 - 5.3. Кубиковая прочность цементного камня корня анкера должна быть не менее 20 МПа. Для контроля набора прочности в процессе изготовления анкеров отбираются 9 кубиков $10 \times 10 \times 10$ см, которые испытываются в возрасте 3,7 (для внутреннего пользования) и 10 суток (для отчета).
 - 5.4. Испытательная нагрузка назначается согласно [1] равной $P_u = 1,2 * P_w$. Контрольные испытания проводятся на каждом десятом анкере, начиная с нагрузки $P_o = 0,2 * P_u$. Анкер нагружается ступенями. Порядок нагружения: Первая ступень – P1; Вторая ступень – P2; Третья ступень – P3; Четвертая ступень – P4; Пятая ступень – P5; Шестая ступень – P6; Седьмая ступень - испытательная нагрузка P_u . Каждую ступень выдерживают не менее 15 мин до наступления стабилизации деформаций анкеров ЭРТ. Затем производят разгрузку до величины P_o , при которой измеряют упругие и остаточные перемещения. Фиксацию величин перемещений производят на каждой ступени через каждые 3 мин. Последнюю ступень нагрузки выдерживают до наступления стабилизации анкеров в течение 30 мин, затем снижают до величины P_o , замеряют упругие и остаточные перемещения анкеров и доводят нагрузку до значения P_6 (блокировочная нагрузка), потом закрепляют анкер на опорной конструкции.
 - 5.5. В случае не достижения испытательной нагрузки в процессе проведения контрольных испытаний, за испытательную нагрузку принимается нагрузка последней стабилизировавшейся ступени (несущая способность грунтового анкера), с последующим вычислением расчетной нагрузки на анкера с учетом коэффициента надежности, равным 1,2. С учетом этого автором проекта корректируется блокировочная нагрузка и корректируется проектное решение.
 - 5.6. При малых значениях абсолютных перемещений грунтового анкера (менее 20 мм) после достижения стабилизации деформаций при контрольных испытаниях производится догружение анкера ступенями равными $P_o = 0,2 * P_u$ с выдерживанием на каждой новой ступени условной стабилизации деформаций. При этом должна обеспечиваться прочность материала и узлов анкерного крепления на сверхпроектные нагрузки.
 - 5.7. Приемочным испытаниям подвергается каждый рабочий анкер, за исключением анкеров, повергнутых контрольным испытаниям. Приемочные испытания начинаются с нагрузки P_o , при которой фиксируются начальные отчеты перемещения анкера и доводятся до величины P_u , выдерживая её в течение 15 мин, и замеряя перемещение анкера через 1, 3, 5, 7, 10 и 15 мин,

далее уменьшают нагрузку до величины P_0 , измеряя упругое перемещение анкеров, увеличивают нагрузку до блокировочной P_6 и закрепляют анкер до конструкции.

- 5.8. Несущая способность и испытательные нагрузки приемочных анкеров определяются как минимальное значение результатов испытаний из не менее чем двух ближайших контрольных анкеров.
6. Обеспечение качества изготовления грунтовых анкеров включает:
 - 6.1. Изготовление грунтовых анкеров должны проводить организации, имеющие опыт геотехнических работ не менее 5 лет, в которых организовано система обеспечения качества [2], что должно быть подтверждено сертификатом соответствия.
 - 6.2. При этом, изготовлении следует освидетельствовать: а) плано-высотную привязку буроинъекционных свай ЭРТ; б) диаметр и глубину скважин на соответствие проекту; в) вид грунта в основании анкера и его соответствие учтенному проекту (по остаткам на элементах бурового инструмента в основании); г) уплотнение грунта в основании свои, разрушенного буровым инструментом; д) соответствие анкерного каркаса проекту (длина, диаметр и класс арматуры рабочих стержней, узлы соединения стержней) и глубину погружения каркаса в скважину; е) качество приготавливаемого цементного раствора (расход материалов); ж) затруднения при погружении анкерного каркаса под собственным весом в скважину (свободное погружение арматурного каркаса до проектной отметки свидетельствует об отсутствии в скважине пережимов грунта и гарантирует сплошность ствола корня); з) погружение электродной системы; расход цементного раствора, используемого при производстве анкеров ЭРТ: 1) при заполнении скважины; 2) при обработке корня на каждом горизонте; 3) суммарный расход цементного раствора на каждую скважину.
 - 6.3. Контроль прочности цементного раствора осуществляется по [3] и [4] путем отбора проб цементного раствора на месте ее изготовления и последующего твердения в нормальных условиях, отвечающих требованиям п.2.3.2 [4].
 - 6.4. Акты освидетельствования скрытых работ оформляются по форме, оговоренной в актуализированном СНиП 12-01-2004 "Организация строительства" [5], должны составляться на завершённый процесс (анкер), выполненный самостоятельным подразделением исполнителей (комплексной бригадой) в течение смены.
 - 6.5. Не допускается выполнение последующих работ при отсутствии оформленных актов на скрытые работы на завершённые технологические процессы по изготовлению анкеров ЭРТ, не освидетельствованные техническим надзором заказчика.
 - 6.6. Работы производятся в соответствии со [6÷12], и проекта производства работ (ППР).
 - 6.7. Качество основных материалов определяется требованиями градостроительного кодекса и Закона о техническом регулировании, что должно быть подтверждено сертификатами соответствия, государственным стандартом РФ.

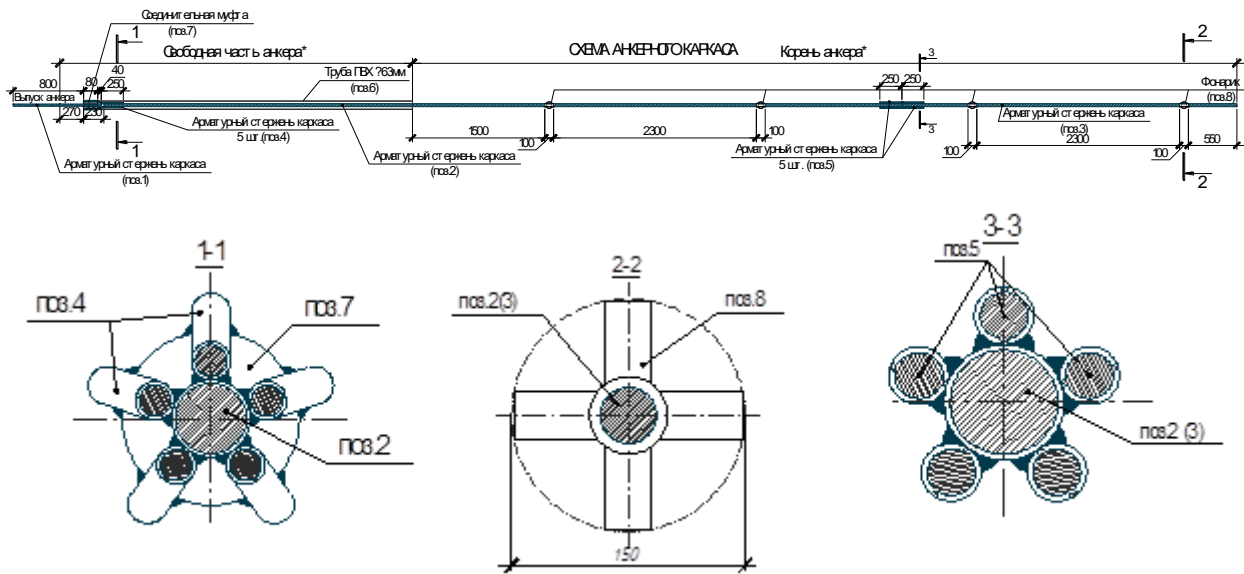

Рисунок.4 Схема анкерного каркаса.

5. Заключение

Сложные инженерно-геологические условия в сочетании с пересеченным рельефом, неустойчивыми склонами являются проблемными территориями для их строительного освоения. Для современного геотехнического возведения объектов на них существует технический и технологический потенциал проектирования и возведения объектов любой сложности [13–19].

Рассмотренный в статье один из технологических приемов для обеспечения устойчивости оползневого склона является подтверждением того, что можно осуществлять строительство на любых инженерно-геологических условиях.

1. ВСН 506-88 «Проектирование и устройство грунтовых анкеров» // Минмонтажспецстрой СССР. М., 1989 г.
2. ИСО 9001-2001 «Система менеджмента качества. Требования» // Госстандарт России. 2001 г.
3. ГОСТ 18105-2012 «Бетоны, правила контроля и оценки прочности» // Стандартинформ. М., 2012 г.
4. ГОСТ 10180-90 «Бетоны методы определения прочности по контрольным образцам» // Стандартинформ. М., 2006 г.
5. СНиП 12-01-2004 «Организация строительства. Актуализированная редакция» // Госстрой России. 2004 г.
6. СНиП 3.04.03-85 «Защита строительных конструкций и сооружений от коррозии» // Госстрой СССР. 1985 г.
7. СНиП 3.03.01-87 "Несущие и ограждающие конструкции" // Госстрой СССР. 1987 г.
8. СНиП 12-03-2001 «Безопасность труда в строительстве. Часть 1» // Госстрой России (ФГУ ЦОТС). 2001 г.
9. СНиП 12-04-2002 «Безопасность труда в строительстве. Часть 2» // Госстрой России. 2002 г.
10. ТР 50-180-06 «Технические рекомендации по проектированию и устройству свайных фундаментов, выполняемых с использованием разрядно-импульсной технологии для зданий повышенной этажности (сваи-РИТ)» // М. 2006 г.
11. Ильичев В.А., Мангушев Р.А., Никифорова Н.С. Опыт освоения подземного пространства российских мегаполисов // Основания, фундаменты и механика грунтов. 2012. № 2. С. 17-20.
12. Улицкий В.М., Шашкин А.Г., Шашкин К.Г. Геотехническое сопровождение развития городов. СПб.: Геореконструкция, 2010. 551 с.
13. Тер-Мартиросян З.Г. Механика грунтов. М.: АСВ, 2009. 550 с.
14. В.М. Улицкий, А.Г. Шашкин, К.Г. Шашкин. Гид по геотехнике (путеводитель по основаниям, фундаментам и подземным сооружениям). Издание второе, дополнительное. Санкт-Петербург. – 2012. 284 с.
15. Соколов Н.С., Соколов С.Н. Применение буронабъекционных свай при закреплении склонов // Материалы Пятой Всероссийской конференции «Новое в архитектуре, проектировании строительных конструкций и реконструкции» (НАСКР-2005) - 2005. г. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета. С. 292-293.
16. Соколов Н.С., Никонорова И.В. Строительство и территориальное освоение оползневых склонов Чебоксарского водохранилища // Жилищное строительство. №9.

17. Никонорова И.В., Соколов Н.С. Хозяйственное освоение зоны влияния Чебоксарского водохранилища // Материалы Международной научно-практической конференции «Управління водними ресурсами в умовах змін клімату» - 2017. г. Киев: Из-во Института водных проблем і Меліорації. Стр. 71-73. 2017. Стр. 13-20.
18. Соколов Н.С., Соколов С.Н., Соколов А.Н. Мелкозернистый бетон, как конструкционный строительный материал буроинъекционных свай-ЭРТ // Строительные материалы. №5. 2017. Стр. 16-20.
19. Соколов Н.С., Викторова С.С., Смирнова Г.М., Федосеева И.П. Буроинъекционная свая-ЭРТ как заглубленная железобетонная конструкция // Строительные материалы. №9. 2017. Стр. 47-50

SECTION II. MEDICAL SCIENCES

Moskalec O.V.

The frequency of detection of "opportunistic" infections in children hospitalized in a multidisciplinary hospital

*Moscow Regional Research Clinical Institute named after M.F. Vladimirskij
(Russia, Moscow)*

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022-03

Abstract

The article presents data on the frequency of detection of "opportunistic" infections in children hospitalized with various pathologies (congenital malformations, acute and chronic diseases of the bronchopulmonary system, urinary tract, hematogenous osteomyelitis). 105 children were examined. In pharyngeal, urogenital smears and in blood by PCR with detection in agarose gel, testing for the presence of DNA of CMV, HSV types 1 and 2, Chl. pneumoniae, Chl.trachomatis, M.pneumoniae, M.hominis, U.urealítica. The frequency of DNA detection of at least one of the pathogens in different groups was, on average, 69.1%, and in 28.4% DNA of several pathogens was simultaneously detected. Because "Opportunistic" infections are often associated with immune deficiency, it is advisable to prescribe a study of the immune status, and in the future, if necessary, to carry out immunorehabilitation and immunoprevention.

Keywords: intracellular pathogen, virus, PCR, children.

Аннотация

В статье представлены данные о частоте выявления «оппортунистических» инфекций у детей, госпитализированных с различной патологией (врожденными пороками развития, острыми и хроническими заболеваниями бронхолегочной системы, мочевыводящих путей, гематогенным остеомиелитом). Обследовано 105 детей. В фарингеальных, урогенитальных мазках и в крови методом ПЦР с детекцией в агарозном геле проводилось тестирование на наличие ДНК ЦМВ, ВПГ 1 и 2 типов, Chl. pneumoniae, Chl.trachomatis, M.pneumoniae, M.hominis, U.urealítica. Частота выявления ДНК хотя бы одного из патогенов в разных группах составила, в среднем, 69,1%, а у 28,4% одновременно детектировалась ДНК нескольких патогенов. Т.к. «оппортунистические» инфекции нередко ассоциируются с иммунной недостаточностью, целесообразно назначить исследование иммунного статуса, а в дальнейшем, при необходимости, провести иммунореабилитацию и иммунопрофилактику.

Ключевые слова: внутриклеточный патоген, вирус, ПЦР, дети.

Introduction.

Over the past decades, the structure of infectious pathology both in our country and around the world has undergone significant changes: the proportion of mixed infections and infections caused by opportunistic microflora is increasing. In addition, the number of children with various disorders of the regulation of the immune response, with the so-called "slow immunological start", is constantly increasing. Despite all the achievements of modern pharmacology, the treatment of such children is not always successful, and one of the reasons for this is untimely or incomplete laboratory diagnosis in order to identify the entire spectrum of pathogens.

The aim.

To access of the frequency of detection of the most significant intracellular pathogens and viruses in children with various surgical and therapeutic pathologies to identify factors that aggravate the course of the underlying disease.

Patients and methods.

A screening examination of 105 children aged from 1 day to 14 years old, hospitalized due to congenital malformations, acute and chronic diseases of the bronchopulmonary system, urinary tract, hematogenous osteomyelitis, admitted to the hospital was carried out. 80% were newborns and children under the age of 2 years. In pharyngeal, urogenital smears and in blood by PCR with detection in agarose gel, testing was carried out for the presence of CMV DNA, HSV types 1 and 2, Chl. pneumoniae, Chl.trachomatis, M.pneumoniae, M.hominis, U.urealitica.

Results.

69.1% of children with surgical pathology had at least one positive PCR result, and 28.4% had DNA from several pathogens. In the group of children with bronchopulmonary pathology (45 patients), CMV was detected in 52.6% of cases, and most often it occurred in acute destructive pneumonia. In acute hematogenous osteomyelitis, DNA of M.pneumoniae and Chl.trachomatis was most often detected. Molecular testing of newborns with malformations showed that in 67.7% there is intrauterine infection. So, in atresia of the anus, esophagus or small intestine, DNA and Chl.trachomatis, U.urealitica, M.hominis, HSV types 1 and 2 were found in 50-56.6% of cases. With atresia of the biliary tract and jaundice of unknown etiology, CMV was detected in 100% of cases. In acute and chronic pyelonephritis, in 40% of cases, U.urealitica or M.hominis DNA was detected, in 15% - CMV and HSV types 1 and 2 DNA. In acute and chronic glomerulonephritis, no DNA of the above pathogens was detected in any case.

Conclusion.

Thus, the results of the study indicate a fairly high frequency of detection of "opportunistic" microorganisms (mainly in the form of mixed infections) in various pathologies in children. Because "opportunistic" infections are often associated with immune deficiency, in such cases it is advisable to prescribe a study of the immune status, and in the future, if necessary, to carry out immunorehabilitation and immunoprevention.

1. Rybalkina T.N., Karazhas N.V., Kalugina M.YU. et al. Rol' vzbuditelej opportunisticheskikh infekcij v etiologii ostrogo bronhita i dlitel'nogo subfebriliteta u detej. ZHurnal mikrobiologii, epidemiologii i immunobiologii. 2012. No 6. P.100-102.
2. Rybalkina T.N., Karazhas N.V., Kalugina M.YU. et al. Rol' opportunisticheskikh infekcij v vozniknovenii oslozhnenij u detej. Detskie infekcii. 2013, Vol.12. No 3. P.40-43.
3. SHkarin V.V., Saperkin N.V., Kovalinina O.V. Rol' opportunisticheskikh infekcij v formirovanii kompleksnoj komorbidnosti. Epidemiologiya i infekcionnye bolezni. 2019. Vol.24. No5-6. P.83-95.
4. Feklisova L.V., Karazhas N.V., Savickaya N.A. i dr. Ocenka sostoyaniya zdorov'ya detej mladshih vozrastnyh grupp zakrytogo detskogo uchrezhdeniya. Detskie infekcii. 2005. Vol.4. No1. P.66-69.
5. YUsupova M.A., Ismoilov K.I. Osobennosti klinicheskikh proyavlenij, kletchnogo i gumoral'nogo immuniteta novorozhdennyh pri vnutriutrobnoj infekcii. Vestnik avicenny. 2020. Vol.22. No3. P.427-433.
6. Korzh S.V. Osobennosti diagnostiki i farmakoterapii opportunisticheskikh infekcij u detej. Pediatricheskaya farmakologiya. 2008. Vol.5.No3. P.90-97.

SECTION III. PHILOLOGY

Адзиева Э.С.

Когнитивно-прагматические свойства научного дискурса и его конститутивные признаки

*Российская Академия Естествознания
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022-04

Аннотация

Научный дискурс представляет собой область коммуникативно-личностного взаимодействия ученых. Актуальной на данный момент является проблема, связанная с развитием методов, обеспечивающих формирование более эффективных и продуктивных коммуникативных отношений, главная цель которых – передача научной информации, как между представителями научного сообщества, так и между учеными и рядовыми читателями.

Ключевые слова: научный дискурс, английский язык, арабские заимствования, адресат, трансляция, адресант, языковое сообщение, диалог, коммуникативные события.

Abstract

Scientific discourse is an area of communicative-personal interaction of scientists. Relevant at the moment is the problem associated with the development of methods that ensure the formation of more effective and productive communication relations, the main purpose of which is the transfer of scientific information, both between representatives of the scientific community, and between scientists and ordinary readers.

Keywords: scientific discourse, English, Arabic borrowings, addressee, translation, addresser, language message, dialogue, communicative events.

На основе анализа ряда работ, в которых рассматривается специфика научного дискурса, можем выделить следующие направления к осмыслению понятия научного дискурса:

1. Научный дискурс – это определенные коммуникативные события, которые выявляются в письменной (устной) форме и которые реализуются в рамках конкретного коммуникативного пространства [1,6,8,13]. Все это говорит о том, что прототипические свойства коммуникативной деятельности раскрываются при помощи языковых (речевых) моделей формирования научного текста и его понимания: дискурс является одним из основных типов выражения научных идей и концепций. При этом коммуникативная деятельность и производные от данной деятельности выявляются за счет специфики научных текстов, которые соотносятся с особой ментальной сферой, аккумулирующей в себе всевозможную информацию.
2. Научный дискурс характеризуется совокупностью тематически схожих научных текстов: иными словами, тексты, объединенные в дискурс, как правило, имеют одну общую тему [1,3,4,7,9,10]. Содержательная основа (или тематика) дискурса выявляется не в рамках анализа одной конкретной текстовой единицы, а в ходе исследования всей совокупности текстовых единиц и интертекстуальности: в комплексном рассмотрении единиц в их взаимообусловленности и взаимодействии. В этом смысле, научный дискурс являет собой тесную взаимосвязь совокупности текстов, которые формируются в одних и тех же коммуникативных областях. Отдельные

социально и культурно обусловленные сферы человеческого знания и коммуникации (согласно Фуко – «дискурсивные формации») исследуются как специальные дискурсы или в другом научном терминологическом ключе, типе научного дискурса.

Кроме того, следует отметить, что первое определение научного дискурса не вступает в противоречие со вторым: и то и другое определение находится в отношении взаимного дополнения, и в ходе лингвистического исследования специфики научного дискурса и репрезентирующих его текстов нужно рассматривать их оба. Необходимо брать в расчет и то, каким образом обеспечивается тематическая, стилистическая и структурная целостность научного дискурса (конститутивный признак), т.е. какие языковые компоненты отдельных текстов являются общими, типичными для данного типа дискурса в целом, какие единицы являются заимствованными, каковы основные причины возникновения заимствований (в т.ч. и арабского происхождения) и, в конечном итоге, какова общая специфика когнитивно-прагматических качеств научного дискурса.

Научный дискурс представляет собой область коммуникативно-личностного взаимодействия ученых, для которой характерны такие критерии, как деонтологическая направленность, толерантное сознание, персуазивное воздействие (от англ. *persuade* – убеждать, склонять, уговаривать). Особенно актуальной на данный момент является проблема, связанная с развитием методов, обеспечивающих формирование более эффективных и продуктивных коммуникативных отношений как между представителями научного сообщества, так и между учеными и рядовыми читателями, что отражается в аутентичных текстах научных и научно-популярных журналов, главная цель которых – доступная передача (трансляция) научной информации адресату.

По своему характеру научный дискурс является антропоцентричным (личностно-ориентированным): его информативные качества служат для реализации целей, связанных с передачей определенной информации от конкретного адресанта к адресату, который через призму собственной оценки воспринимает и анализирует полученную информацию [12, с. 116]. Важно указать, что большое значение в научном дискурсе отводится категории оценки, оказывающей особое влияние на его информативные качества: данная категория позволяет выразить специфику авторского отношения к передаваемым информационным сообщениям, которые передаются от адресанта к адресату в рамках научного дискурса. Представляя оценку как одну из значимых категорий научного дискурса, отметим, что она напрямую связана с реализацией прагматической функции в научном языке (речи). Рассматриваемая категория способствует формированию мотива, тематической направленности и семантической основы текста (речи). Таким образом, адресант, производя оценку всего имеющегося у него материала по той или иной теме, создает информационное сообщение так, как считает необходимым, при этом не учитывая мнения адресата [5, с. 88]. Адресант при помощи различных оценочных суждений передает адресату свою собственную точку зрения в виде информационного сообщения, в котором могут указываться как достоинства, так и недостатки тех или иных научных концепций, идей и т.д.

В научном дискурсе в качестве субъекта оценки выступает автор, объекта – его информативное высказывание по тем или иным научным темам. Выстраивая свое высказывание, адресант научного дискурса всегда ориентируется на адресата, а именно: на его статусную, ситуативную и позиционную роли, также учитываются фоновые знания адресата, возрастные рамки и психологические особенности. При этом автор всегда выражает свое субъективное мнение к объекту высказывания, читатель же оценивает предложенное суждение по-своему, оценивая, таким образом, непосредственно сам объект. Однако, учитывая данный факт и в первом и во втором случае, присутствует субъективное отношение.

Среди способов выражения оценки в научном дискурсе следует выделить эксплицитный (прямой) и имплицитный (косвенный), который находится в прямой зависимости от позиции адресата (адресанта) [5, с. 89]. При доминирующей позиции точка

зрения адресанта может выражаться как в эксплицитной форме, непосредственно отмечая положительные и отрицательные стороны научных концепций, идей, так и в имплицитной форме, когда адресант целенаправленно предлагает к рассмотрению точку зрения других ученых по определенной проблематике, которая совпадает с его собственной. Диалогичность научного дискурса обеспечивает выражение оценки в эксплицитной форме (часто положительно реагируя на информационные сообщения) и имплицитной форме (представляя подтверждающую или противоположную точку зрения других ученых).

Кроме того, следует отметить, что научный дискурс реализуется в определенном наборе жанров: монография, статья, доклад – *собственно научный дискурс*; аннотация, тезисы, патентное описание – *научно-информативный*; словарь, справочник, каталог – *научно-справочный*; учебник, методическое пособие, аннотация – *научно-учебный*; очерк, книга, лекция – *научно-популярный* [11, с. 15]. Исходя из конкретных коммуникативных ситуаций, видоизменяется и сфера деятельности и поэтому видоизменяются и основные цели коммуникативных действий, что способствует трансформации жанровой специфики. Функциональность жанров связана с непосредственным отображением основной коммуникативной цели участников дискурса: именно в выше представленных жанрах реализуются стилистико-языковые характеристики научного дискурса. При этом один конкретный жанр может быть представлен в то же время в нескольких дискурсивных системах, это указывает на то, что в целом функционально-стилистические особенности научного дискурса формируются в рамках поля, образуя периферийные области, в которых пределы типов научного дискурса не явно выражены.

Условно можно выделить два направления к пониманию научного дискурса (две стороны одного и того же познаваемого явления): так, согласно *первому направлению*, научный дискурс является конкретным коммуникативно-речевым событием, которое развивается в некоем когнитивно-прагматическом и типологически обусловленном пространстве т.е. соотносится с прагматическими, ментальными условиями формирования научного сообщения и конкретным моделям образования научных текстов (речи) *второе направление* предполагает, что научный дискурс является совокупностью тематически соотнесенных научных текстов, в которых реализуются коммуникативные пространственные категории, обусловленные содержанием не одним коммуникативным (дискурсивным) событием, а целым комплексом, во взаимосвязи.

Анализ ряда работ, посвященных исследованию научного дискурса, его особенностей, в т.ч. и конститутивных признаков и когнитивно-прагматических свойств, позволил сформулировать авторское определение научного дискурса:

научный дискурс – это комплекс речевых произведений, 1) сочетающих в себе статусно-фиксированное текстовое наполнение и языковую (речевую) базу институционального типа дискурса и 2) формирующихся в рамках авторского замысла (который воплощается за счет последовательного раскрытия темы, следования единой тематической направленности), соблюдения стилистического и структурного единства темы (проявляющегося в употреблении стандартизированных языковых / речевых средств), а также когезийных средств разных языковых / речевых уровней: структурных, грамматических, лексико-тематических, прагматических и т.д. (чем и обеспечиваются конститутивные признаки и когнитивно-прагматические свойства научного дискурса).

При этом следует учитывать, что научный дискурс является полилогичным по своему характеру: полилогичность проявляется в многосторонности и многонаправленности коммуникации, в частности, в передаче научной информации в эксплицитной и имплицитной форме, в формировании особых структурно-семантических и прагматических категорий, четкого и логичного построения и т.д. Научный дискурс объединяет разножанровые тексты (отчетливо прослеживается их разделение на теоретические, практические, обзорные и пр.). Наличие жанровой вариативности обусловлено многофункциональностью и разнообразной текстовой тематикой.

Таким образом наряду с конститутивными признаками и когнитивно-прагматическими свойствами научного дискурса, обеспечивающими формально-логические и абстрактно-содержательные средства текстовой связи, огромную роль играет наличие объемного и специфического терминологического аппарата.

1. Андреева В.А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на матер. совр. немецкояз. прозы): дисс. ... докт. филолог. наук / В.А. Андреева. – СПб., 2009. – 361 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – С. 136-137.
3. Беллер И. Об одном условии связности текста / И. Беллер // Новое в зарубеж. лингвистике. – М.: «Прогресс», 1978. – Вып. 8. – С. 172-207.
4. Григорьева В.Г. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: моногр. / В.Г. Григорьева. – Тамбов: ТГТУ, 2007. – 288 с.
5. Ежова Т.В. Лингвистические особенности научного дискурса / Т.В. Ежова // Вестник ОГПУ. – 2011. – №2(58). – С. 85-91.
6. Кибрик А.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. – М.: МГУ, 1997. – С. 276-339.
7. Кожина Н.М. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / Н.М. Кожина // Текст – Дискурс – Стилль: сборн. научн. статей / отв. ред. В.Е. Чернявская. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 9-33.
8. Кротков Е.А. Проблема типов научного дискурса / Е.А. Кротков, К.А. Зуев // Гуманитарные науки. – 2012. – № 4(8). – С. 16-26.
9. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М., 2000. – С. 4-17.
10. Кулявина А.П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема / А.П. Кулявина // Известия Самарск. научн. центра Росс. акад. наук. – 2015. – Т.17. – № 1(5). – С. 1157-1161.
11. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе: автореферат дисс. ... кандидат. филолог. наук / Е.В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 21 с.
12. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции личности / К.Ф. Седов. – М., 2004. – 319 с.
13. Селезнева Л.В. Исследование дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы / Л.В. Селезнева // Вестник Северо-Восточного федер. ун-та им. М.К. Аммосова. – 2011. – Т.8. – № 4. – С. 119-124.

SECTION IV. PHILOSOPHY

Kovaleva M.V.

The Theme of Cultural Crisis by Representatives of Russian Religious Thought of the Late 19th – Early 20th Centuries (on the Example of the Works of S.N. Bulgakov and N.A. Berdyaev)

*Kursk Academy of State and Municipal Service
(Russia, Kursk)*

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022-05

Abstract

Dynamic changes in Russian social life in the late 19th and early 20th centuries, the elimination of its rigid ideological framework influenced the development of our society. The turning points were not limited to economic and political changes. There was a radical change in the worldview paradigm, which, accordingly, influenced the content of ideals, values, life-sense attitudes, and rules of social interaction. The rearrangement of the components of the spiritual and semantic core of culture at the end of the 1990s testified to a crisis in this area. It was the crisis processes in culture that predetermined the further search for its adequate interpretation and, in this regard, aroused tremendous research interest in its genesis, structure, driving forces and internal potential. Undoubtedly, attention to this phenomenon is also connected with the fact that culture in modern conditions is becoming the dominant social force. No social phenomenon can take place outside of culture and independently of it. This means that cardinal changes in society entail changes in the system of its norms and values, i.e. cultural change, and conversely, change in culture is necessarily accompanied by a shift in the social field. Regulating interpersonal interactions, cultural systems, first of all, semantic complexes (ideas, norms, values) constitute any social phenomenon. Accordingly, in modern philosophy, interest in culture as a factor in creative life and social development is becoming more acute. At the beginning of the 20th century, in the extremely specific conditions of “Russian life”, representatives of Russian religious philosophy directed their creative search to comprehending the essence of culture and determining ways out of the crisis. In this regard, it seems relevant to appeal to the ideas of such philosophers as S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev, who comprehend the fate of Russian culture and put forward a number of provisions that determine the understanding of this phenomenon. In line with the assessment of culture as a factor in social life order, the topic is relevant, which highlights the problematic field of analysis outlined by representatives of Russian religious philosophy of the late XIX - early XX centuries. This is the understanding of culture as a specific holistic organism, as a way of familiarizing a person with the spiritual essence of the world, as a value space oriented towards ideals. This is a deep faith in culture, its interpretation as a means of spiritual life, in which the personal beginning of a person is revealed. At the beginning of the 20th century, the self-determination of Russian religious philosophy took place in the context of an appeal to the spiritual heritage, including the religious one. And already self-determined as such, Russian religious thought reflects on the state of national culture. One of the most popular problems of the beginning of the 20th century is the problem of the cultural crisis. The religious concept of culture is inherent in the desire to comprehend the essence of culture in order to open the way from a crisis state to renewal and cultural revival. The Russian thought of this period is distinguished by the breadth of its consideration of the theme of the crisis: from theoretical and historical-cultural analysis to sharp socio-philosophical journalism.

The concept of the crisis of culture, developed by Russian religious philosophers, is the basis of their own philosophy of culture. Representatives of this trend focus their creative search on determining ways out of the crisis, therefore, addressing this issue in the presence of a tendency to overcome the cultural crisis that began in Russian society at the end of the 19th century is also

relevant. It should be noted that the identified problems, the topics developed by Russian religious philosophers of the late XIX - early XX century are polemical both in theoretical terms and in the context of the realities of modern Russian culture. Is culture a space of absolute values? Is it possible to truly understand culture in detachment from social pragmatics? Why should human activity necessarily be associated with ideals and values? Should a philosophical approach to understanding culture be based on historical realities? Is it possible to identify the concept of culture as a whole with spiritual culture? What is a crisis - cultural exhaustion or being without cultural orientation? The answers to these and many other questions, one way or another touched upon by representatives of this trend, no doubt introduce new aspects into the philosophical vision of culture, enrich modern cultural and philosophical knowledge and, which is very important, contribute to an in-depth understanding of Russian cultural processes of the new millennium.

Keywords: russian religious philosophy, crisis of culture, worldview paradigm, reflection.

Аннотация

Динамичные изменения в российской социальной жизни конца XIX – начала XX века, устранение ее жестких идеологических рамок оказали влияние на развитие нашего общества. Переломные процессы не исчерпывались экономическими и политическими переменами. Произошла кардинальная смена мировоззренческой парадигмы, что, соответственно, повлияло на содержание идеалов, ценностей, смысложизненных установок, правил социального взаимодействия. Перекомпоновка слагаемых духовно-смыслового ядра культуры в конце 90-х годов свидетельствовала о кризисе в этой сфере. Именно кризисные процессы в культуре предопределили дальнейший поиск ее адекватного истолкования и в этой связи вызвали колоссальный исследовательский интерес к ее генезису, структуре, движущим силам и внутреннему потенциалу. Бесспорно, внимание к данному феномену связано и с тем, что культура в современных условиях становится доминирующей общественной силой. Ни одно общественное явление не может протекать вне культуры и независимо от нее. Это означает, что кардинальные изменения в обществе влекут за собой изменения в системе его норм и ценностей, т.е. культурные изменения, и, наоборот, изменения в культуре обязательно сопровождаются сдвигом в социальном поле. Регулируя межличностные взаимодействия, культурные системы, прежде всего, смысловые комплексы (идеи, нормы, ценности) конституируют любой феномен социального. Соответственно в современной философии обостряется интерес к культуре как фактору творческого жизнеустроения и социального развития. В начале XX века в чрезвычайно специфических условиях «русского бытия» представители русской религиозной философии направляют свой творческий поиск на постижение сущности культуры и определение путей выхода из кризисного состояния. В этой связи представляется актуальным обращение к идеям таких философов, как С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, которые осмысливают судьбу русской культуры и выдвигают ряд положений, определяющих понимание данного феномена. В русле оценки культуры как фактора социального жизнеустроения актуальна тематика, которая высвечивает проблемное поле анализа, намеченного представителями русской религиозной философии конца XIX – начала XX века. Это понимание культуры как специфического целостного организма, как способа приобщения человека к духовной сущности мира, как ценностного пространства с ориентацией на идеалы. Это и глубокая вера в культуру, ее толкование как средства духовной жизни, в которой раскрывается личностное начало человека. В начале XX века происходит самоопределение русской религиозной философии в контексте обращения к духовному наследию, в том числе религиозному. И уже самоопределившаяся как таковая, русская религиозная мысль рефлексировала по поводу состояния национальной культуры. Одной из самых популярных проблем начала XX века является проблема культурного кризиса. Религиозной концепции культуры присуще стремление постигнуть сущность культуры, чтобы открыть путь из кризисного состояния к обновлению и культурному возрождению. Русскую мысль этого периода отличает широта рассмотрения темы кризиса: от теоретического и историко-культурного анализа к острой

социально философской публицистике. Концепция кризиса культуры, разработанная русскими религиозными философами, является основой их собственной философии культуры. Представители данного направления сосредотачивают свой творческий поиск на определении путей выхода из кризисного состояния, поэтому обращение к данной проблематике при наличии тенденции преодоления культурного кризиса, начавшегося в российском обществе в конце XIX века, также актуально. Следует отметить, что обозначенные проблемы, тематика, разрабатываемая русскими религиозными философами конца XIX – начала XX века полемичны как в теоретическом плане, так и в контексте реалий современной российской культуры. Является ли культура пространством абсолютных ценностей? Возможно ли истинное понимание культуры в отстранении от социальной прагматики? Почему человеческая деятельность непременно должна быть сопряжена с идеалами и ценностями? Должен ли философский подход к пониманию культуры базироваться на исторических реалиях? Можно ли отождествлять понятие культуры в целом с духовной культурой? Что представляет собой кризис – культурную истощенность или бытие без культурной ориентации? Ответы на эти и многие другие вопросы, так или иначе затрагиваемые представителями данного направления, без сомнения, вносят новые аспекты в философское видение культуры, обогащают современное культурно-философское знание и, что очень важно, способствуют углубленному осмыслению российских культурных процессов нового тысячелетия.

Ключевые слова: русская религиозная философия, кризис культуры, мировоззренческая парадигма, рефлексия.

The past century will probably go down in history as one of the most dramatic and critical for the entire existence of mankind. Two world wars, the establishment of totalitarian regimes, the crisis of the ideas of progress, rationality and humanism, grandiose economic cataclysms, the rapid development of technology, unprecedented growth in industrial production and, at the same time, the transformation of technology from an instrument of the human mind into a source of threat to the very existence of mankind - these phenomena gave rise to and continue to generate crisis consciousness. In the 20th century, the theme of the crisis of culture becomes universally significant, and the crisis attitude finds a diverse expression in literature, art, and the works of scientists. A philosophy of crisis is emerging, which must be considered as a special line of research [1, P. 21]. Works devoted to the socio-cultural crisis, against the background of a very extensive range of problems, constitute a significant layer of philosophical ideas. Such well-known philosophers as E. Husserl, G. Simmel, R. Guardini, K. Jaspers and others address this topic, the nature of the crisis. "Crisis", "crisis consciousness" is the central concepts of the philosophy of crisis. In this regard, it seems appropriate to consider the phenomenon of culture in a crisis context on the basis of Russian religious philosophy and substantiate the processes of sociocultural entropy that developed in Russia at the beginning of the 20th century. The analysis of the crisis attitude occupies a special place in the work of S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev. Russian religious philosophy of the early 20th century is characterized by the desire to comprehend the essence of culture, in order to open the way from a state of crisis to renewal and cultural revival. One of the main reasons for the direction of the creative searches of philosophers to comprehend the possibilities of culture is related to the search for ways out of the crisis. So, at the beginning of the 20th century, representatives of Russian religious philosophy turned to the understanding of entropic processes in the spiritual sphere. The general range of problems identified and analyzed by Russian philosophers is a significant contribution to the theoretical understanding of culture as such, the cultural crisis, as well as ways out of it. The historical and cultural situation of the beginning of the 20th century is characterized by an over-densification of events, a radical reorganization of social and spiritual life, and a crisis of official Orthodox consciousness. It is in these conditions that an interest in cultural issues develops and the problems of the relationship between man and culture, the relationship between spirit and reality are placed at the center of domestic humanitarian research. Appeal to the understanding of the most complex crisis processes in the spiritual sphere by

representatives of Russian religious thought is relevant today. The identification of the direction and main positions of the analysis of entropic processes in the spiritual sphere, indicated by representatives of Russian religious philosophy, is necessary in order to show how this mindset determines the understanding of the fate of Russian culture. In the work "The Religion of Man-God in the Russian Revolution" S.N. Bulgakov notes that the nineteenth century is characterized by an atmosphere of irreligion. He argues that "Russia reflects the ideas and moods of the century more decisively and straightforwardly than the West, reflects on itself that world spiritual drama of theomachism and apostasy. The spiritual struggle, which constitutes the main theme and main content of the new history, is determined by the efforts of civilized humanity to settle forever without God [2, P. 215]." The author calls this process a tragedy, since "by burying God in their minds, people are forced to bury the divine in their souls, and the divine is the real, real nature of the human soul [2, P. 216]." As a result, from the point of view of the author, such a phenomenon as nihilistic individualism arises in culture, which constitutes a serious threat to spiritual life. This is the phenomenon of S.N. Bulgakov calls Russian drama. The author sees the causes of this drama in the decomposition of the personality, in the "paralysis" of will and moral feeling, general pessimism, in the denial of religious values, the absence of creative goals, economic need, as well as in the spiritual decay and internal discord of the Russian people. As you can see, S.N. Bulgakov characterizes the processes of Russian life at the beginning of the century as the destruction of the foundations of the human spirit and raises the question: "Is the internally decaying era of decadence capable of creating its own great thing in culture, or is it predominantly collecting and registering the old? [2, P. 223]. The philosopher is convinced that it is impossible to return to the old positions, because "we are separated by an abyss, we have grown up and historically aged, it is useless and unworthy for us to be young. We must start something new, take into account historical experience, show ourselves and our mistakes in it, because otherwise, if we see them only in others, on the opposite side, then we will remain hypnotized by our enmity towards it and will not learn anything. Self-deepening, self-study is needed, the accumulation of spiritual forces, the creativity of culture is needed. This self-renewal should touch different sides, but if you go down to the very bottom, into the depths of the soul, then this is the creation of a new personality and a new life, a new and more conscious religious self-determination [2, P. 228]. In fact, S.N. Bulgakov sees the way out of the crisis not in a return to the former, once stable situation, but in self-renewal for further cultural creation.

The analysis of the crisis of culture also occupies a special place in the work of N.A. Berdyaev. His works such as "The Fate of Russia", "The Meaning of History", "The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar", etc. are devoted to the problem of the crisis. In the work "The Meaning of History" N.A. Berdyaev notes that in our era there is no more acute topic for both knowledge and life than the topic of culture. The author believes that every culture has its flourishing, complication and refinement, but also completion, which is manifested in the "exhaustion" of creative forces, the removal and "quenching" of the spirit. Berdyaev substantiates the idea that culture always contains the sources of subsequent transformations, both positive and capable of leading to destruction and death. According to N.A. Berdyaev, at a certain stage in the development of any culture, principles begin to appear that undermine its spiritual foundations [3, P. 228]. The crisis of culture, from the point of view of the philosopher, arises when culture is directed towards the practical realization of power, towards the practical organization of life in the direction of its ever greater expansion [4, P. 163]. "The flowering of the 'sciences and arts', the depth and refinement of thought, the highest rises of artistic creativity, the contemplation of saints and geniuses – all this ceases to be felt as genuine, real 'life', all this no longer inspires. A tense will is born for "life" itself, for the power of "life", for the enjoyment of "life", for domination of "life" itself, for the power of "life", for the enjoyment of "life", for domination over "life"[4, P. 164]. Thus, it becomes obvious that the culture cannot be kept at the height that it reaches during its flowering period, its stability is limited in time. And, further, notes N.A. Berdyaev, in any historically formed type of culture, a breakdown is revealed, an inevitable transition to a state that does not correspond to the traditional understanding of culture: "Inside culture, there is too much

will for a new "life", for power and power, for practice, happiness and pleasure, the will to power, whatever the cost." [4, P. 166]. The philosopher establishes that interruptions in cultural tradition are characteristic of Russia and, as a result, a decrease in the level of culture, its quality. Culture, from the point of view of N.A. Berdyaev, is always filled with qualitative, not quantitative characteristics. Culture ceases to be valuable in itself when its goals are seen exclusively in life practice. Assessing culture as a real, universally significant result of historical development, the philosopher comes to the conclusion that "culture, in its deepest essence and in its religious meaning, is a great failure." [4, P. 165].

Thus, N.A. Berdyaev identifies the following signs of a cultural crisis:

- 1) the concentration of culture on the practical organization of life, that is, the "will to live" becomes higher than the "will to culture".
- 2) disinterest of people in creativity, knowledge and self-improvement.
- 3) the predominance of the quantitative component of culture over the qualitative one, as a result of which culture "becomes powerless in retaining its highest quality." These signs determine the presence, as the philosopher establishes, of social entropy, as a result of which the creative energy of culture is dissipated.

After analyzing the understanding of crisis processes in socio-cultural life by representatives of Russian religious philosophy, let us summarize some results. We note, first of all, that S.N. Bulgakov and N.A. Berdyaev associate the crisis of culture with the depreciation and denial of religious values. Such characteristics as a decrease in the spiritual development of the individual, a person's disinterest in creativity, cognition, the destruction and death of the old foundations of life, the predominance of quantitative components of culture over qualitative ones, they interpret as indicators of a cultural crisis.

A fruitful moment in the reasoning of Russian philosophers is the analysis of the cultural crisis in the most complex interweaving with the existential self-awareness of a person. But most importantly, Russian philosophers outline the most important problem of understanding the essence of the cultural crisis as a moment of reassessment of values, in-depth self-knowledge, taking into account historical experience, which is the source of subsequent cultural transformations. Over the past decade and a half, the attitude that Russian society is in crisis has become integral to the analysis of ongoing processes. A.I. Solzhenitsyn in the early 90s notes: "The crisis in our country now is much deeper than just economic, it is a crisis of consciousness and morality, so deep that it's hard to count how many decades – or a century – we need to rise." [5, P. 173]. We believe that understanding the essence of the cultural crisis worked out by Russian religious philosophers and the experience of finding ways out of it remains relevant in understanding modern sociocultural processes at the turn of the 20th - 21st centuries.

1. The topic of cultural crisis is studied by such modern authors as F.A. Aizyatov, S.A. Yavorskaya, E.V. Barabanov, Y.N. Davydov, A.T. Pavlov, N.I. Serbenko, T.Y. Sidorina, Y.N. Solonin, A.Y. Flier.
2. Bulgakov S.N. The Religion of Human God in the Russian Revolution // Novy Mir. – M., 1989.
3. Sidorina T.Y. Philosophy of crisis. – M., 2003.
4. Berdyaev N.A. The meaning of history // Will to life and will to culture. – M., 1990.
5. Solzhenitsyn A.I. "The Russian question" by the end of the twentieth century // New World. – M., 1994.

SECTION V. LEGAL SCIENCES

Злобина Е.А.

Роль Президента РФ в обеспечении эффективности органов государственной власти

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022-06

Аннотация

В статье проводится исследование научно-теоретического и научно-практического значения Президента, как гаранта Конституции, в обеспечении эффективности государственной власти, разработаны и предложены отправные точки повышения эффективности и устойчивого функционирования системы государственной власти.

Ключевые слова: Президент РФ, система, государственная власть, органы государственной власти, эффективность государственной власти.

Abstract

The article studies the scientific-theoretical and scientific-practical significance of the President, as the guarantor of the Constitution, in ensuring the effectiveness of state power, developed and proposed starting points for increasing the efficiency and sustainable functioning of the state power system.

Keywords: President of the Russian Federation, system, state power, state authorities, efficiency of state power.

Вопрос повышения эффективности функционирования государственной власти находится в прямой зависимости от исследования вопроса организации и деятельности государственной власти в целом, включая вопрос разделения властей. Исследование принципов, основ, сущности, организации и функционирования государственной власти обусловлено необходимостью ее модернизации и совершенствования, формирования эффективного правового государства, что возможно в условиях единой государственной власти. Единство, как одно из основных качеств государственной власти, заложено в самой природе государства и предполагает единство общества, задач, целей, функций, направлений деятельности, а также социальное, структурно-функциональное и организационно-правовое единство, то есть власть должна быть «единой и единственной» [11]. Единство государственной власти обеспечивается ее разделением на ветви, поскольку все ветви государственной власти являются частью целого, обладают структурными качествами и действуют в соответствии с целями самой государственной власти. Конституция РФ 1993 года провозгласила в качестве одной из основ государственного устройства Российской Федерации - доктринальный принцип «разделения властей» на: законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ). И. Кант писал «разделение есть некий механизм, с помощью которого государство само себя поддерживает в соответствии с законом свободы» [5]. Разделение власти является неотъемлемым и обязательным компонентом, основным и реальным механизмом организации и функционирования эффективного правового государства, соответствующего исторически определенным политико-правовым представлениям и теоретическим обоснованиям. По справедливому утверждению А.Ф. Малого «разделение властей – это не разделение органов, а, прежде всего, разделение полномочий, составляющих содержание государственной власти» [10]. Разделение властей в Российской Федерации производится как на федеральном уровне, так и уровне субъектов федерации, то есть разделение властных полномочий реализуется во взаимодействии

государственной (федеральной и региональной) власти и местного самоуправления при верховенстве государственной власти, ее целостности и единства. Названный конституционно-правовой принцип обеспечивает внутрисистемную дифференциацию государственной власти на самостоятельные ветви и внутреннюю, структурно-функциональную дифференциацию каждой из ветвей при сохранении ими своей относительной самостоятельности и целостности, возможности полноценно взаимодействовать с другими ветвями государственной власти и выполнять свои властные полномочия. Самостоятельность и независимость каждой из ветвей власти предполагает их скоординированность, согласованность во взаимодействии, взаимосдерживании и взаимоконтроле. А.С. Автономов отметил, что «ветвь государственной власти представляет собой один или несколько государственных органов, образующих в рамках единого механизма осуществления власти самостоятельную систему, которая наделяется властными полномочиями для выполнения присущих ей функций» [1]. Как справедливо отметил А.П. Фоков «объективная действительность такова, что все ветви нуждаются друг в друге... образуют законченное единство, именуемое государством, лишь в своей совокупности, выступая как элементы единой системы. Даже простое ослабление хотя бы одного такого элемента способно привести к разрушению системы» [22].

Практическая реализация принципа разделения единой государственной власти в России возможно при установлении действенной системы правовых гарантий и системы «сдержек и противовесов», призванных обеспечивать самостоятельную деятельность каждой из ветвей власти, взвешенность, уравновешенность и устойчивый баланс их взаимодействия и интересов, не допускающих возможность концентрации власти в одних руках и доминирования одной ветви власти над другой.

Таким образом, разделение властей представляет собой систему сбалансированных государственно-властных отношений, обеспечивающую функциональное взаимодействие исполнительной, законодательной и судебной властей в целях сохранения единства и целостности государственной власти.

В свою очередь, сбалансированность государственно-властных отношений – величина не постоянная, динамично развивающаяся и подверженная влиянию политических, социальных, экономических изменений - развитие и возникновение новых общественных отношений влечет за собой изменение государственно-властных отношений, возникновение новых властных полномочий и способов государственного управления, что, соответственно, ведет к возникновению новых органов и ветвей государственной власти. По справедливому утверждению А.Д. Керимова: «...формирование новых ветвей власти, как, впрочем, и модификация традиционных, - процесс неизбежный и исторически закономерный» [6]. Закрепление на конституционном уровне принципа «разделения властей», обладающего высшей степенью нормативного обобщения, является достаточной правовой почвой для условного выделения дополнительных обособленных властных функций [20].

Модели организации государственной власти на основе принципа «разделения властей» разнообразны, что обусловлено объемом баланса полномочий между главой государства и парламентом по контролю за деятельностью исполнительной власти, поскольку существует прямая взаимосвязь между формой правления и статусом Президента.

В силу положений ст.11 Конституции РФ государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды РФ. Шарль де Голль свою конституционную доктрину излагал следующим образом: «Необходимо, чтобы государство имело голову, то есть руководителя, в котором нация может видеть стоящего над течениями человека, уполномоченного решать задачи, и гарантировать ее судьбу»[9], иными словами, государство по своей природе, в целях обеспечения и сохранения своего единства и целостности, стремится к единой воле; применительно к современной российской действительности особенность конституционно-правового регулирования разделения властей в России заключается в наличии органа государственной власти, призванного

обеспечить единство воли и гарантировать сохранность государства от конфронтации властей – Президент РФ.

В соответствии с новыми конституционными положениями Президент России осуществляет государственную власть на федеральном уровне и не включен ни в одну из ветвей власти [9], вместе с тем, Президент назван первым в числе институтов, осуществляющих государственную власть (ст. 11 Конституции РФ), тем самым, законодатель признает надинституциональное положение Президента. Конституционно-правовое положение Президента РФ определяется статусом главы государства - феномен главы государства заключается в том, что Президент является ядром системы органов государственной власти, выполняет фундаментальную функцию хранителя государственности и стабилизатора политической системы, задает вектор развития внутренней и внешней государственной политики. Вместе с тем, российская государственная система власти исторически сложилась таким образом, что Президент РФ находится над системой разделения властей. Президентская власть в России неравноправна: значительные нормотворческие полномочия, контроль за исполнительной властью, исполнение квазисудебных функций в спорах между органами государственной власти, взаимодействие с законодательной, исполнительной и судебной властями, организация и координация их согласованного функционирования, осуществляемые либо непосредственно, либо опосредованно. Таким образом, Президент РФ присутствует во многих властно-правовых отношениях, связанных с разделением властей, что призвано обеспечить согласованное и скоординированное взаимодействие всех институтов государственной власти (ч. 2 и ч. 3 ст. 80 Конституции РФ), что является основной задачей Президента России в обеспечении эффективного функционирования системы государственной власти [7].

Выполняя функции по регулированию и контролю межвластных отношений, президентская власть призвана обеспечивать деятельность системы разделения властей, охрану суверенитета, государственную целостность, независимость Российской Федерации, а также способствовать эффективному функционированию органов государственной власти, обеспечению преемственности государства.

Власть Президента РФ является самостоятельной и приоритетной ветвью государственной власти, носящей комплексно-системный характер, Президент РФ наделен обширными конституционными полномочиями, представляющими собой инструменты властного целенаправленного воздействия Президента на систему органов государственной власти в целях обеспечения системной эффективности, стабильности и устойчивости, развития, координации, совершенствования государственно-управленческого процесса.

Вместе с тем, достижение необходимого уровня эффективности функционирования системы органов государственной власти исключительно за счет президентской власти невозможно; необходимо формирование общефедеральной системы контрольно-надзорных органов. Так, в сложившейся в настоящее время в России системе государственной власти существуют властеотношения, не вмещающиеся в триаду ветвей государственной власти и характеризующиеся специфичностью властных полномочий и самостоятельностью, а органы, их осуществляющие, - не подчиняются другим органам государственной власти. В современных отечественных научных работах проводится теоретическое обоснование органов государственной власти с особым статусом, к которым относятся: Прокуратуру РФ; Следственный комитет РФ; Центральный банк РФ; Счетную палату РФ; Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах; Центральную избирательную комиссию; Уполномоченного по правам человека; Академии наук [15].

Контрольно-надзорными функциями обладают многие органы государственной власти, не входящие в триаду разделения властей, что позволяет говорить об органах государственной власти с контрольно-надзорными функциями, поскольку государственный контроль призван обеспечить установление и функционирование системы обратной связи в целях координации и развития системы органов государственной власти. В государственном механизме контроль призван обеспечить императивный механизм государственного воздействия

принудительного характера в достижении существующих задач, возрастание роли и значения контрольно-надзорных функций в современных политико-правовых и социально-экономических реалиях обусловлено необходимостью повышения эффективности деятельности органов государственной власти.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Характерной особенностью системы «разделения властей» в Российской Федерации, порожденной историческими и политико-объективными причинами, является наличие конституционных и «скрытых» полномочий Президента РФ, ставящих его над традиционной властной «триадой» в системе органов государственной власти. Конституционное выделение органа государственной власти – Президент, как самостоятельного органа государственной власти, приводит к выводу, что помимо законодательной, исполнительной и судебной власти, существует самостоятельная и специфическая власть – президентская. Системный анализ законодательно закрепленных полномочий главы государства позволяет говорить о «сверхполупрезидентской» моноцефальной республике, в которой в должной мере отсутствует механизм сдержек и противовесов различных ветвей власти.
2. Конституционно-правовой статус Президента в системе органов государственной власти, установленный Конституцией и федеральными законами, как управляющей подсистемы, имеет ряд специфических особенностей, суть которых не в безграничном влиянии на остальные органы государства, а в обеспечении согласованного взаимодействия органов государственной власти.
3. Теоретическая модель разделения властей в России не идеальна, ее воплощение в реальность, еще более усиливает диспропорции между ветвями власти: существует явное превалирование президентской/исполнительной власти, что объясняется необходимостью оперативного реагирования на вызовы современности как внутри, так и вовне страны.
4. Концептуальные особенности системы «разделения властей» в России предопределяют неустойчивость системы органов государственной власти и развитие новых институциональных властных форм, негативно сказывающихся на эффективности органов государственной власти.

Повышение эффективности системы органов государственной власти в Российской Федерации предопределяет необходимость институционального развития властных институтов по следующим направлениям:

- создание и развитие системы контрольно-надзорной деятельности и мониторинга в системе органов государственной власти, что позволит обеспечить: своевременное выявление недостатков в работе системы органов государственной власти и принимать адекватные меры повышения эффективности ее функционирования; сбалансированность и обеспечить согласованное взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов федерации и местного самоуправления.
- усовершенствование системы общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и должностных лиц позволит: обеспечить социальное коорреспондирование и многофункциональный обмен информации, что, в свою очередь, создаст предпосылки согласованных действий органов государственной власти и минимизации их разнонаправленных действий; обеспечить разрешение социальных конфликтов, сдерживать, ограничивать и контролировать надобщественную

власть государства; развивать согласованные публично-правовые и партнерские отношения общества и государства, обеспечивающие политическую свободу и защиту от произвола; обеспечить социальную устойчивость государственной власти и политическое единство.

- создание правового механизма ответственности и федерального воздействия в системе органов государственной власти, являющегося позитивной формой рефлексии, повышения эффективности и гарантией от произвола и бездействия, позволит восстанавливать и принудительно обеспечивать баланс, согласованность и взаимодействие в системе органов государственной власти.

1. Автономов А.С. Избирательная власть. М., 2002г.
2. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003г.
3. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России/ Учеб.пособие.- М.: Изд-во Моск. ун-та. - 1997г.
4. Гегель Г. Философия права. М., 1996г.
5. Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. М., 1994г.
6. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. - М.: Норма, 2007г.
7. Козлова Е. И. Кутафин О. Е. Конституционное право России. М.: Юрист, 1995г. - Ст.398.
8. Кочерин Е.А. Основы государственного и управленческого контроля. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 2000г.
9. Крутоголов М.А. Президент Французской Республики. – М., 1980г.
10. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право, 2001г. - № 3.
11. Чиркин В.Е. Конституция: Российская модель. - М., 2002г.

SECTION VI. LINGUISTICS AND LITERARY CRITICISM

Ladonina N.A.¹, Ereemeev I.D.², Fioktistova V.V.²

Communicative strategy as an actualization tool of the communicative and pragmatic discourse potential

¹*North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University)
(Russia, Vladikavkaz)*

²*Moscow Timiryazev Agricultural Academy (RSAU – MTAA named after K.A. Timiryazev)
(Russia, Moscow)*

doi: 10.18411/gqws-15-10-2022-07

Abstract

The article is devoted to the role of communicative strategies and speech tactics in the actualization of the communicative and pragmatic potential of the discourse. The author analyzes the specifics of the concepts of “communicative strategy”, “speech tactics” and reviews different research-works devoted to functional and pragmatic properties of cooperative speech strategies and tactics identification in modern business discourse.

Keywords: communicative strategy, speech tactics, discourse, communicative-pragmatic approach, communication.

Аннотация

В данной статье рассмотрена роль коммуникативных стратегий и речевых тактик в актуализации коммуникативно-прагматического потенциала дискурса. Автор анализирует специфику понятий «коммуникативная стратегия», «речевая тактика» и проводит обзор исследований, посвященных выявлению функционально-прагматических свойств кооперативных речевых стратегий и тактик в современном деловом дискурсе.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, речевая тактика, дискурс, коммуникативно-прагматический подход, коммуникация.

Recently, the interest of many linguists has repeatedly been turned to the search for specific strategies and tactics allowing realize in full communicative and pragmatic potential of a particular discourse, a particular communicative situation. But what exactly do researchers mean by these phenomena?

Komarova Z.I. notes that speech strategy should be considered as “a set of speech actions aimed at controlling the optimal solution of the speaker’s communicative task”, and speech communication tactics as “a method of implementing speech strategy” [5, p. 444].

According to Issers O.S., speech behavior strategies cover the entire sphere of building the communication process, including planning and implementation. She is convinced that speech tactics are a set of specific speech actions aimed at achieving the communicative goal set by the addresser [4, p. 54].

By the opinion of Alefirenko N.F. the main difference between speech act and speech tactics is that the last is not a separate speech action, but a technique when choosing a speech act at a certain stage of communication or the deployment of a chosen speech genre [1, p. 208].

Khramchenko A.D. believes that the importance of speech strategies and tactics is especially strong in modern business discourse, since the use of special “typical variants of speech behavior” (communicative strategies) allows the most successful implementation of specific practical tasks for this particular type of discourse. Saving of communicative efforts in the process of business communication generates a special “standardization of communicative situations” as well as quite

obvious “ritualization” of speech behavior, which allows all participants of the interaction to predict each other’s speech actions, and therefore apply a “strategic approach in standard speech situations” [7, p. 43-44]. Khrumchenko A.D. names the following strategies as the most commonly used speech behavior within the framework of business discourse: “use of mutual concessions and acceptable compromises”; “orientation towards convergence or unification of positions”; “consistent defense of personal interests”; “identification and elimination of problematic issues and undesirable moments”; “analysis of potential opportunities for establishing contact”; “manipulation of language tools”, etc. [7, p. 47-49].

Bodrova A.A. and Korobova N.V. consider in their study six types of strategies characteristic for business communication sphere. These are the following strategies: concession, directive, manipulative, confrontational, regulatory and indifferent [2, p. 15]. From their point of view, using a directive strategy, communicant leads the discussion and can strive for consensus, although the communicant does not tolerate objections; manipulative strategy assumes the addresser’s control over the communicative situation’s general development; a confrontational strategy is used when the addresser is ready to defend his or her point of view at any cost; when implementing a concession strategy, the addresser intentionally accepts the addressee’s point of view; a regulatory strategy helps to resolve conflicts arising during communication, and an indifferent strategy helps to influence the interlocutor by demonstrating complete indifference to the problem [2, p. 16].

Radyuk A.V. suggested during the analysis of the functional and pragmatic properties of cooperative speech strategies and tactics of English business discourse that those properties play a special “harmonizing” role, support the “general tone of interaction” and contribute to the achievement of results. She uses as criteria for the classification of speech strategies their functional purpose, an attitude of communication participants to the principle of speech communication organization, degree of pragmatic impact openness and globality of intention. She suggested that each of the participants in business communication creates a special external environment for the others and, as such, is able to interact within the framework of three main schemes: mutual change as a result of cooperation, subordination of one system to another and preservation of initial positions. Radyuk A.V. calls the following speech strategies the most used for modern English business discourse: “contacting” (implying the use of such tactics as “greeting”, “politeness”, “casual conversation”, “gratitude”, etc.); “strengthening the pragmatic impact” (with the tactics of “persistent repetition”, “annotation”, “comparison”, “praise”, etc.); “weakening the pragmatic impact” (with the tactics of “politeness”, “ignoring”, “restraining emotions”, etc.); “hidden impact” (with the tactics of “exaggerations”, “understatements”, “ironies”, etc.) and “recognition and neutralization of pragmatic impact” (with the tactics of “partial consent”, “refusal with an alternative”, “refusal while maintaining the balance of relations”, “exposure”, “ultimatum”, “submission”, etc.) [6].

It is quite obvious that each of the researchers we have listed has contributed to the study of the communicative and pragmatic potential for such a vast and multilevel phenomenon as modern business discourse.

1. Alefirenko N.F. Modern problems of the science of language. Moscow: Flint, Nauka, 2005. 412 p.
2. Bodrova A. A., Korobova N. V. Communicative strategies of conflict resolution (based on the material of the English language) // Bulletin of ChelSU. 2011. No.8. pp. 15-18.
3. Goncharova O.V., Khaleeva S.A. Strategies of manifestation of linguistic and cultural identity of bilingual // Kazan Science. 2020. No. 11. pp. 136-139.
4. Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Ed. 5-E. M.: LKI Publishing House, 2008. 288 p.
5. Komarova Z. I. Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics: textbook. Yekaterinburg: Publishing House of UrFU, 2012. 818 p.

6. Radyuk A.V. Strategies for neutralizing speech influence in English business discourse // *Scientific Vedomosti BelSU. Series: Humanities*. 2013. №13 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-neytralizatsii-rechevogo-vozdeystviya-v-angliyskom-delovom-diskurse>.
7. Khranchenko D. S. Functional and pragmatic evolution of English business discourse: dis. for the degree of Doctor of Philology. sciences. Moscow, 2014. 448 p.
8. Goncharova O.V., Khaleeva S.A. Language specifics and typology of means of response to communicative aggression (examples of women's responses in English-speaking and Russian-speaking Muslim chats) // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Lecture Notes in Networks and Systems (LNNS, Volume 198)*. Cham, 2021. Pp. 413-420.

LJournal

Научно-издательский центр

Collection of Scientific Papers
based on the results of an XVIII international scientific conference

General question of world science
October 15, 2022
Florence, Italy

Signed for printing on 06.10.2022
Printed at the Scientific Center «LJournal»
Chief Editor: Ivanov Vladislav